

«Надо строить мосты, а не стены»

Обозреватель «НВ» побывал на заседании «Мастерской будущего», которое состоялось в рамках «Петербургского диалога». Политики и эксперты из России и Германии искали выход из нынешнего геополитического кризиса

Крупная ссора, окончательный развод или временный кризис в отношениях? Этот вопрос звучал не раз в последние месяцы по поводу непростого диалога между РФ и ФРГ. Если четверть века назад россияне и немцы искренне радовались падению Берлинской стены и выдвигали проекты «общеевропейского дома», то сейчас отношения между важнейшими государствами Европы омрачают разногласия по Украине.

Дело уже дошло до того, что осенью по требованию канцлера Ангелы Меркель пришлось перенести на неопределённый срок главный форум «Петербургского диалога». Но, к счастью, представители гражданского общества России и Германии решили продолжить столь необходимый сейчас разговор. Стремление понять друг друга и найти выход из тупика – таков лейтмотив заседания рабочей группы «Мастерская будущего», собравшего в Потсдаме видных экспертов, политиков и журналистов.

– Надеюсь, молодые поколения лучше знают, как покончить с наследием холодной войны, – открыл заседание Лотар де Мезьер, последний премьер-министр ГДР, а ныне председатель германского координационного комитета «Петербургского диалога». – Сегодня нам как никогда необходим диалог. В период трудностей и испытаний нужно ценить любую возможность обмена мнениями.

Уже сам факт встречи экспертов «Мастерской будущего» (на фоне напряжённых отношений между Москвой и Берлином и дискуссий о будущем «Петербургского диалога») её участники восприняли как обнадеживающий сигнал. Мысль о том, что «надо строить мосты, а не стены», проходила красной нитью через большинство докладов и выступлений.

Этот тезис горячо поддержала Екатерина Тимошенко, ведущий научный сотрудник Центра германских исследований Института Европы РАН:

– Очень важно, что мы можем задуматься о том, как предотвратить скатывание к новой холодной войне, – отметила она. – Но для этого необходимо извлекать выводы из уроков нашей общей истории. 9 ноября 1989 года, когда произошло падение Берлинской стены, стало важным событием не только для Германии, но и для России. Наши страны внесли огромный вклад в мирное решение «германского вопроса»... Но большинство экспертов сходятся во мнении, что вопросы безопасности в минувшие годы не были должным образом учтены. Я имею в виду расширение НАТО на Восток. Многие российские граждане не понимают, почему в «общеевропейском доме», о котором говорил Горбачёв и западные политики, не находится даже маленькой комнаты для России.

В свою очередь, известный философ и политолог Борис Межуев, заместитель главного редактора газеты «Известия», отметил, что восприятие падения Берлинской стены в нашей стране сильно изменилось. Поначалу, на пике перестроечной эйфории, господствовали позитивные оценки (большинство граждан СССР видели в этом событии признак наступления новой эры, которая приведёт к построению «общеевропейского дома» и всемирному торжеству свободы и демократии). Однако сегодня, на фоне крымского кризиса, в котором Берлин занял жёсткую «евроатлантическую» позицию, в России всё чаще поднимается тема «неблагодарности немцев». И эта тенденция, по мнению Межуева, подозрительно напоминает события конца XIX века, когда Россия, изначально хорошо относившаяся к Германии, скатилась к противостоянию с Берлином в Восточной Европе.

Продолжая тему сравнения особенности XIX и XXI веков, Олег Зеньковский, глава русской редакции Радио «Берлин-Бранденбург», выразил мнение, что Россия и Германия «живут в разных реальностях». И объяснил различие между этими реальностями. Так, Россия с его точки зрения, «плотно застряла в мире XIX века» – когда государства руководствовались

геополитическими интересами, в то время как Германия считает себя державой XXI века, в котором на первый план выходят высшие ценности.

Отвечая на вопросы и реплики немецких участников, философ Борис Межуев попытался объяснить, почему Россия сегодня больше мыслит геополитическими, чем историко-философскими категориями.

– Михаил Сергеевич и его правление – это самоотверженная, по-своему героическая попытка прыгнуть из царства интересов в царство ценностей, – напомнил он. – Но в процессе этого прыжка наша страна натолкнулась на невидимую стену. Нам объяснили, что в царство высоких ценностей мы не попадём. После этого Россия была вынуждена строить свой мир. Раз нас не берут в «приличную компанию», она сказала: «Теперь у нас будет своя компания». Ей пришлось это сказать – никто этого не хотел даже проговаривать.

Разобравшись с восприятием недавнего прошлого, российские и немецкие эксперты перешли к современным проблемам и тому образу будущего, который они считают желательным для отношений между Москвой и Берлином.

По этой острой теме доклад сделал немецкий участник (пожелавший, чтобы его имя в прессе не фигурировало). Он считает, что «поведение РФ на Украине фундаментально подрывает архитектуру безопасности в Европе и привело к кризису доверия». И надеется, что «в будущем Россия будет делать ставку не на право сильного, а на силу права, а «Петербургский диалог» продолжит свою работу именно как диалог, а не как два монолога».

Впрочем, в немецкой делегации, как и в российской, присутствовали люди разных политических взглядов. Так, по мнению философа истории и публициста Хауке Ритца, отношения между Россией и Германией отравляют двойные моральные стандарты, ставшие одним из инструментов западной внешней политики.

– Такое поведение кажется мне странным, – отметил аналитик. – Мы требуем от России закрыть границу с Украиной, но не требуем от Турции закрыть границу с Сирией. Мы обвиняем Россию в нарушении международного права, но не предъявляем аналогичных претензий себе. К сожалению, носители современной европейской культуры утратили способность к саморефлексии. Мы просто не видим себя со стороны и поэтому не способны выработать такую идею, которая на новом уровне смогла бы объединить Запад и Восток. Наша культура так и осталась в 1989 году, закостенев в той эпохе, в то время как окружающий мир стремительно меняется и движется к многополярности. Появляются новые центры силы, а это не только Москва, но и Пекин, Тегеран, Дели и так далее. И если Россия умеет сотрудничать с этими полюсами, то мы, европейцы, – нет. А это значит, что Европа будет изолирована в культурном отношении и даже экономически (если дело дойдёт до зоны свободной торговли с США).

В российской же делегации роль одного из «диссидентов» взял на себя Михаил Фишман, ведущий оппозиционного телеканала «Дождь» и корреспондент немецкой газеты Die Welt в Москве.

– Споры о ценностях и интересах имели бы смысл, если бы мы двигались к общей цели, – заметил он. – В 1999 году жёсткое противостояние между Россией и Западом по Югославии не мешало общему пониманию, что мы движемся в одном направлении – в сторону свободы и демократии. Однако сейчас ничего такого мы не наблюдаем. Россия хочет играть по своим, а не по общим правилам. Скажите мне, какое отношение имеет расширение НАТО на Восток к отсутствию нормального парламентаризма, демократических свобод и справедливого суда?..

В конце заседания «Мастерской будущего» в роли примирителя выступил член правления Восточного института в Висмаре Андреас Штайнингер, считающийся одним из знатоков России в ФРГ. По его мнению, Москва и Берлин, даже несмотря на сегодняшние трудности, могут развивать в будущем нормальные отношения. Но для этого необходимо прекратить информационную войну, начать «словесное разоружение», вынести ценностные споры за скобки прагматического сотрудничества, в котором роль первой скрипки следует играть предпринимателям. Ну и, конечно, россиянам и немцам особенно необходимо активизировать все неформальные контакты, продолжая вести столь трудный, но необходимый сейчас «Петербургский диалог».

резюме

«Диалог» сейчас нужен как никогда

Сейчас, в период самого острого кризиса между Москвой и Берлином со времён окончания холодной войны, «Петербургский диалог» нужен, как никогда раньше. Когда политики обмениваются грозными заявлениями, а СМИ откровенно участвуют в информационных войнах, очень важно сохранять контакт между людьми, поддерживать откровенный обмен мнениями и строить мосты, а не новые «берлинские стены». Любой психоаналитик подтвердит: когда есть проблема, её необходимо проговаривать – тогда решение может прийти внезапно, в форме озарения.

Как показали последние декабрьские мероприятия, «Петербургский диалог» идеально справляется с ролью «психоаналитика» и «антикризисного менеджера». Помню, как после заседаний «Мастерской будущего» в Потсдаме ко мне подходили немецкие коллеги и говорили: «Надо же, мы этого не знали! Наконец-то кто-то разъяснил мне точку зрения России». А один российский эксперт за обедом признался: «Если бы не эта поездка, то я бы продолжал судить о Германии по газетным статьям».

прямая речь

«Россия рассчитывает на понимание Германии»

Борис Межуев, философ, политолог, заместитель главного редактора газеты «Известия»:

– Изначально мы в России воспринимали падение Берлинской стены как часть глобального процесса, связанного с крахом коммунистического проекта и общим движением в сторону либерального миропорядка. Тогда, в разгар перестройки, мы ещё плохо знали слово «геополитика» и все события рассматривали через призму философии истории. И, разумеется, отношение к падению Берлинской стены было самым сочувственным и благожелательным.

Но всё начало меняться в 1990-е годы. Тогда стало ясно, что события 1989 года заложили основу не движения к «общеевропейскому дому», а расширения НАТО на Восток. Причём – без участия России. Впоследствии бывший госсекретарь Генри Киссинджер скажет, что включить РФ в Евроатлантическое партнёрство было невозможно. Ведь в таком случае Западу пришлось бы давать стратегические гарантии Китаю, что было нереально ввиду тесных экономических связей с Поднебесной. Иными словами, России по чисто геополитическим причинам отказали в «ценностном» союзе с Европой.

Неудивительно, что в 1990-е россияне при восприятии падения Берлинской стены стали всё чаще подчёркивать роль России в объединении Германии, при этом ожидая от ФРГ учёта нашей позиции. Именно тогда тема обещаний германских и западных политиков Горбачёву о нераспространении НАТО на Восток вышла у нас на передний план.

Наконец, третий этап в восприятии падения Берлинской стены начинается в наши дни. Вспомните речь Владимира Путина, произнесённую им 18 марта по случаю воссоединения Крыма с Россией! Среди народов, к которым он обращался, были и немцы. Им президент РФ пытался донести такую мысль: раз Москва помогла в своё время Германии воссоединиться, то она вправе рассчитывать на аналогичное понимание ФРГ в «крымском вопросе».

В целом, наблюдая за сегодняшними событиями, я не могу отделаться от ощущения повторения события столетней давности. На рубеже XIX и XX веков, как и сейчас, Россия и Германия начали друг другу противостоять, действуя в ущерб своим истинным интересам. Как и тогда, они снова столкнулись на территории балто-черноморского пояса государств, к которым сегодня относится и Украина. И это не может не вызывать тревогу. Зная историю столетней давности, нетрудно предугадать возможный финал этой пьесы. Поэтому хочется надеяться, что у пьесы, начавшейся с такого замечательного события, как падение Берлинской стены, всё-таки будет счастливый финал.

«Нужно проявлять терпимость в дискуссиях о ценностях»

Андреас Штайнингер, член правления Восточного института в городе Висмар (Германия):

– В последние десятилетия Европа и Германия допускали немало ошибок в отношениях с Россией. Мы слишком мало привлекали Москву к решению конкретных международных проблем и не пытались её по-настоящему интегрировать в структуры Евросоюза. Пять лет вести переговоры с Украиной по поводу договора об ассоциации, чтобы в разгар кризиса сказать: «Было бы неплохо поинтересоваться мнением России», мне кажется неправильным.

Другая проблема связана с крайне негативным освещением российской действительности в немецкой прессе. Когда у нас говорили об отношениях Берлускони с 17-летней любовницей, вся эта история воспринималась в Германии не особенно трагично. А теперь представьте, если бы подобный скандал произошёл в России! Это была бы для наших СМИ тема номер один. К сожалению, к оценке событий в разных странах мы подходим, исходя из разных критериев.

Наконец, российско-германские отношения осложняет то обстоятельство, что у нас до сих пор нет ответа на вопрос: «А что мы, собственно, хотим от России?» Представители немецкого бизнеса, с одной стороны, и политики и СМИ – с другой, отвечают на него по-разному. В 2011 году Владимир Путин выступил с идеей стратегического партнёрства во имя единой Европы от Лиссабона до Владивостока. Президент Deutsche Bank Йозеф Аккерман сказал тогда: «Да, это отличная идея. Почему бы её не реализовать?» Однако СМИ его энтузиазм не поддержали.

Впрочем, Россия тоже допустила немало ошибок, которые привели к ухудшению отношений с Германией и в целом с Европой.

Во-первых, вашей стране так и не удалось создать современную экономику. Да, это большая заслуга Владимира Путина, что он с 1999 по 2006 год смог стабилизировать Россию. Но затем РФ упустила шанс провести структурные реформы и усилить позиции малого и среднего бизнеса, с которым мы в Германии очень хотели бы сотрудничать. У вас есть высококлассные инженеры и учёные, но я считаю, что нам всем следует отказаться от громких заявлений и начать «словесное разоружение». Поэтому когда я слышу: «Запад грабит наши ресурсы», мне всегда хочется ответить: «Позвольте, но вы сами это делаете!»

Вторая серьёзная ошибка России – это аннексия Крыма, которая, безусловно, является нарушением норм международного права. Впрочем, мы надеемся, что с помощью Минских договорённостей, достигнутых в сентябре, всё-таки удастся стабилизировать Украину.

В-третьих, меня пугает некоторое высокомерие, которое Россия всё чаще проявляет по отношению к Европе. «Вы нас 20 лет игнорировали, а теперь мы не будем вас слушать», «Нам не нужны ваши машины, зато вы не проживёте без нашего газа» – подобного рода заявления явно не способствуют взаимному сближению.

Но как нам выходить из сегодняшнего кризиса? Я считаю, что в первую очередь нам нужно научиться проявлять большую взаимную терпимость в дискуссиях о ценностях. Разные ценностные ориентиры не должны мешать нашей совместной работе. Что касается прессы, то я считаю, что нам всем следует отказаться от громких заявлений и начать «словесное разоружение». Кроме того, необходимо уже сейчас, несмотря на кризис, вовлекать Россию в различные европейские структуры. Наконец, в наших отношениях следует сделать более серьёзный акцент на экономике – единственном настоящем мосте между Берлином и Москвой.

// Михаил Тюркин, Потсдам – Петербург. Фото Кристиана Хандверка

© Невское время